

Его сумасшедшая девушка

Автор:

[Катрин Корр](#)

Его сумасшедшая девушка

Катрин Корр

Когда замуж? Когда собираешься рожать? Смотри как бы поздно не было, ведь тебе уже двадцать восемь!

У Азалии и без того проблем вагон и маленькая тележка. Мужчины ей ещё не хватало! Она живет с мамой, бабушкой и семилетней племянницей, мечтает стать известным модельером и едва сводит концы с концами, потому что давно погрязла в многочисленных долгах. В один из самых неудачных дней незнакомец, случайно сбивший Азалию на машине, делает ей сомнительное, но чертовски прибыльное предложение. Появляется отличная возможность скорее закрыть все кредиты и начать жить для себя, постепенно воплощая мечты в реальность. Подумаешь, ей придется делать то, чего она так старательно избегала пять лет! Не всякая же «работа» приносит удовольствие. И не всякая случайность так уж случайна. Особенно, когда в ней замешан привлекательный и азартный мужчина.

Катрин Корр

Его сумасшедшая девушка

© Катрин Корр, 2022

И опять двадцать пять. Стараюсь изо всех сил улыбаться, выглядеть непринужденно, смеяться в ответ на бестактные вопросы, лишенных рассудка людишек. Именно! Людишек! Погрязшие в рутине и тошнотворной бытовухе, которую не захочет трахнуть даже самый скучный, неудачный и по всем параметрам худший день на этом чертовом свете, они считают за «здрасьте» покопаться в моей жизни, как в своих гребаных грядках с вонючими цветочками!

Нет, что вы. Я спокойна. Как удав. Продолжайте в том же духе и возможно Большой Дядя сжалится надо мной и извергнет на вас зеленую блевотину, потому что именно этого вы и достойны, долбаные старушечки!

– Смех смехом, конечно, но разве не пора? – смотрит на меня женщина, которой сегодня исполняется семьдесят лет. Семьдесят! Геннадьевна по отчеству, но для меня всегда была Гиеновна. – Тебе уже двадцать восемь, милая! А где дети? Где муж? Ты что, хочешь, как говорится, все свои возможности профукать? Матка не вечно всемогущей будет.

– Зато мое влагалище может завязать узелки на веревочке, – с улыбкой отвечаю я, хлопая ресницами. – Хоть оно у меня, благо, всемогущее! А вообще, я планирую вести активную и безостановочную половую жизнь лет так до шестидесяти пяти. Потом перейду на специальные игрушки, поскольку, – хмыкаю я, – не мне вам рассказывать, как видоизменяется фасолинка, верно? Не хочу ненароком травмировать слабенькую мужскую психику. Мужиков ведь ой как беречь нужно! О! Кстати! А вот и ваше «солнышко» расчудесное, – киваю я в сторону Виктора Степановича. Гиеновна с него пылинки сдувает. Мне тошно смотреть на это с самого детства. – Только поглядите! Каков ходок! Уже с вашими подружками обжимается!

Гиеновна открывает рот, чтобы ответить, но, черт возьми, а муженек-то и впрямь тот ещё мастер флирта. Даже радикулит, тяжелое мочеиспускание и хронический геморрой тому не помеха.

Сжав челюсти, поправляю серебристую цепочку, переброшенную через плечо. Моя крошечная сумочка вмещает в себе только телефон, банковскую карту и блеск для губ. А хотелось бы найти место для самого крепкого скотча, клея и степлера, пожалуй. Потому что заткнуть этих «умных», «мудрых» и «повидавших всё самое невероятное в своих сложных жизнях» женщин, способны только они, но лишь в совокупности!

– Родная, ты уже уезжаешь? – ловит меня мама у выхода из «ресторана», рядом с которым располагается городской рынок по продаже поддержанных автомобилей. – А как же тортик? Чай? Я видела, что официантка тебе принесла!

– Я тебе говорила, что не собираюсь здесь задерживаться. Привезу вас с бабушкой и уеду.

– Геннадьевна опять к тебе приставала? – закатывает глаза мама.

– Не удивляйся, если после третьей рюмки она скажет, что у меня слишком прогрессивные взгляды! – целую маму. – Мне пора. Звонили из того магазина посуды в торговом центре. Ваза пришла и нужно забрать её сегодня.

– Правда? – радуется мама, бросив взгляд на нашу бабулю. Через пару недель ей исполнится шестьдесят девять и мы очень надеемся, что она обрадуется нашему подарку. – Как же это замечательно! Спрячешь её у себя? Бабушка знает каждый угол в доме и точно её обнаружит, когда будет порядки наводить.

– Как будто она у меня их не наводит и у меня каждый угол не знает, – необдуманно ляпаю я. – Ладно! Всё! Заеду за вами через пару часов. Хватит вам, чтобы вдоволь нагуляться?

– Вопрос не ко мне, а к бабушке. Она у нас та ещё зажигалочка. Не забудь забрать Розочку!

– Мам, – закатываю я глаза. Как будто могу забыть о родной племяннице.

– А потом приезжайте за нами. Надеюсь, к тому моменту бабушка навеселится сполна.

Последний день весны радует солнцем. Говорят, лето будет теплым и на редкость сухим. Не хочется в это верить, ведь я обожаю дождь. Когда он льет, как из ведра, барабанит по крыше, затапливает лужайку и узкую тропинку, ведущую к моему домику. Тогда ко мне никто не может зайти, присесть на уши, отвлечь от работы и вообще – лишать меня долгожданной уединенности и тишины.

Мой телефон в сумочке трезвонит. Я уже догадываюсь, кто это и что им от меня нужно. Скрипя зубами, всё же отвечаю на звонок, потому что иначе эти гады свяжутся с мамой или бабушкой, а этого допустить никак нельзя.

Пока сотрудник банка рассказывает мне о последствиях неуплаты очередного платежа по кредиту, мои глаза высверливают дыру в красном капоте моей KIA. Если честно, я её ненавижу. Она всегда напоминает мне о долгах, о вынужденных решениях и о папе, который точно не был бы во восторге от нее. Но что поделать? Выбора не было. Его и сейчас у меня нет, как бы прискорбно это ни звучало.

– Я оплачу задолженность в конце месяца. Как и у любого человека, у меня возникли некоторые сложности.

– Сегодня тридцать первое мая. Вы сделаете это сегодня?

– Нет, в конце июня, – закатываю я глаза.

– Банк не может предоставить вам столько времени, Азалия Викторовна. У вас просрочен уже второй платеж. Займите необходимую сумму у родственников и погасите задолженность до пятого июня включительно.

– Но это через пять дней!

– В ином случае банк вправе потребовать оплату всего кредита целиком, – не слышит он меня. – Внесите платеж до пятого июня, чтобы избежать судебного взыскания.

– Конечно, – опускаю я голову. – Хорошо.

Прячу сотовый обратно в сумочку. Такое чувство, что меня через мясорубку прокрутили и так всякий раз после разговора с сотрудниками банков. И где я возьму тридцать пять тысяч за пять дней? Все мои кредитные карты распечатаны, а их баланс равен нулю. И по ним тоже нужно вносить обязательные платежи, которые я тоже просрочила.

– Черт! – ругаюсь я, хлопнув ладонью по капоту. – Что б вы все провалились!

Забавно, правда? Я вся в долгах, как в шелках, зато мчусь в торговый центр за хрустальной вазой, которая так понравилась бабушке. Я заказала её четыре месяца назад, когда на одной из моих многочисленных кредитных карт ещё имелась некоторая сумма. А после покупки этой вазы я с трудом свожу концы с концами, но об этом, разумеется, известно только мне. Иначе у бабушки вновь заболит сердце, а мама сляжет с мигренью. И тогда моя жизнь будет ещё невыносимее, чем сейчас, когда я понятия не имею, что мне ещё такого продать, чтобы внести эти чертовы платежи!

Как так получилось? Мне сложно дать внятный и конкретный ответ, поскольку совокупность всех имеющихся причин размером с Луну.

Сотрудницы магазина, где всё вокруг сверкает и блестит, встречают меня с улыбками. Надев белые замшевые перчатки, блондинка демонстрирует мне вазу, а потом сворачивает её в крафт-бумагу и осторожно прячет в большой белой коробке, внутри которой специальные держатели.

– Упакуем? – улыбается она.

Вот ещё! Кусочек блестящей бумаги и несчастный бантик стоят здесь полторы тысячи, а у меня остались последние четыреста рублей на карте.

– Не нужно, спасибо. У нас с мамой другие идеи.

Женщина согласно кивает и вручает мне коробку.

– Ого! – вздыхаю я, подняв её. – Тяжелая!

– Серьезная вещь, – улыбается мне другая сотрудница. – Всего вам хорошего! Приходите к нам ещё.

В ближайшем будущем точно нет. И в последующем тоже, потому что я буду расплачиваться с долгами лет пять точно. К тому времени продам даже свою одежду и мама с бабушкой будут удивляться, а почему это я хожу в одном и том же каждый день?

Бородатый мужчина в ярко-зеленой футболке пропускает меня в кабину лифта. От него пахнет петрушкой и сухариками. Опускаю коробку на поручень, чтобы дать отдых рукам, и придерживаю её животом. Смотрю вниз на счастливых и беззаботных людей, выходящих из бутиков с большими фирменными пакетами. Когда-то и у меня были хорошие времена. Шоппинг избавлял от стресса, обеды в ресторанах с видом на далекие горные вершины поднимали настроение и внушали мысли о светлом будущем. А теперь же мой стресс давно превратился в затяжную депрессию, которая воспринимается многими, как очередной день в плохом настроении.

Плохое настроение.

У Азалии просто плохое настроение. Депрессия? Пф! С чего? У нее нет никаких забот.

Мой телефон снова издает громкую мелодию. С трудом достаю его из сумочки и отвечаю на очередной звонок из банка. Пока мужской голос советует мне занять необходимую сумму у родственников, двери лифта разъезжаются. С трудом удерживаю коробку одной рукой и иду, наверное, как идиотка.

– Внесите платеж до шестого июня, Азалия Викторовна. Иначе банк обратится в суд. В прошлом месяце вы обещали, что оплатите кредит, но так и не сделали этого. Вы теряете доверие банка. Если шестого июня вами не будет оплачена задолженность, банк вправе потребовать возврат всего кредита единовременно.

– Послушайте, я знаю, что просрочила оплату просроченного платежа. Но у меня действительно не было возможности и...

– Мы видим, что на вашем счету была необходимая сумма, но вы оплатили ею товары.

– Да, но ведь я же должна что-то есть!

Выхожу на улицу, полная негодования и ужаса. Если два банка сразу объявят, что я должна буду выплатить им весь долг, то мне даже денег с продажи машины не хватит, чтобы отделаться от них!

- Послушайте, я найду деньги. Хорошо? Найду! И погашу задолженность...

- Только учтите, что шестого июня должна поступить оплата в размере сорока девяти тысяч.

- СКОЛЬКО?! Но почему?!

- За два предыдущих месяца и будущий платежный период.

- Вы издеваетесь?

- Азалия Викторовна, вы портите свою кредитную историю просроченными платежами...

- Я как будто без вас этого не знаю! - кричу я в трубку.

Мои нервы на исходе! Сил больше нет! Финансовое давление уничтожает меня изо дня в день. Сплю и вижу только эти чертовы долги, платежи, долги, платежи!

- Я вам настоятельно рекомендую не повышать голос на сотрудника ба...

Мой телефон вылетает из руки, тело буквально отшвыривает в сторону. Я падаю на теплый асфальт, проехав по нему ладонями. Звон хрусталя режет мой слух, ярость вспыхивает так внезапно, что даже кровоточащее колено не доставляет мне никакого дискомфорта. Мой ожесточенный взгляд впивается в горящие фары отечественного автопрома, на заднем бампере которого красуется надпись «Люблю медленно, но с ветерком».

- Ты идиот?! - кричу я на водителя, с трудом вылезшего из тачки. Она как будто ему не по размеру. - Ты что творишь?!

Негодяй снимает круглые очки с темными стеклами и оглядывает меня - всё ещё валяющуюся на асфальте, черт возьми!

- Ноги не перебиты? - спрашивает он.

- Что, прости? Не перебиты ли мои ноги?! - ору я. Он протягивает мне руку, но я только ударяю по ней и поднимаюсь сама. - Какого черта ты садишься за руль, если не умеешь ездить?!

- Давай на несколько тонов ниже, а то ещё не весь торговый центр пялится на нас.

- Ты сбил меня! На своей гребаной тачке, урод!

- Слушай, - усмехается брюнет, оскалившись, - я признаю, что не прав. Ясно? Я не увидел тебя, потому что не привык, когда в машине нет кам...

- Ты мог убить меня, чучело! - разоряюсь я.

- Кто? - вытаращивает он глаза. - Ты назвала меня «чучелом»?

- Это ещё нежно! Только посмотри, что ты наделал, кретин?! - бросаюсь к коробке, вскрываю её и... - Да какого же гребаного черта со мной происходит?!

- Судя по твоему поведению, ты этого заслужила.

Его телефон трезвонит. Придурок умудряется ответить на звонок, невзирая на обстоятельства.

- Я же сказал, что всё! Оля, ты слышишь меня? Всё! Перестань сходить с ума и выносить мне мозги!

- Оля! - кричу я. - Продолжай в том же духе, потому что и этого будет мало для такого уroda, как он!

Мужик вытаращивает на меня глаза, отключает звонок и подходит ко мне вплотную. Пахнет от него гелем для душа. Вроде тех, которыми пользовался мой бывший.

- Ты откуда такая хамка взялась? Я же сказал, что не отрицаю своей вины! Не знаю, что ты делала возле этой тачки, но я тебя не увидел, поняла? Не видел я тебя!

– И знаешь, почему? – впиваюсь я в его серые, как тучи глаза, а потом выхватываю из рук солнцезащитные очки, бросаю их под ноги и растапываю пяткой. – Потому что надо бинокли свои дешевые засунуть в задницу, когда сдаешь назад!

– Ты что наделала?! – ахает он, таращась на раздавленный аксессуар. – Ты сумасшедшая?! Ты хоть знаешь, сколько они стоят, дура истеричная?!

– О, господи, мальчика обидели! – пихаю его в грудь, но он продолжает стоять на месте. – А ты хоть знаешь, сколько стоила эта ваза, которую разбил ты?!

– Какая к черту ваза?! – рычит он, оглядев меня ненавистным взглядом. Его сотовый снова трезвонит. – Эти очки были в единственном экземпляре, дура ты набитая!

– Это тебе Абдулла на рынке сказал? Надо же, а его маркетинговый ход и впрямь работает!

– Какой к черту Абдулла?! – орет он, а потом снова достает сотовый и громко отвечает: – Что ещё?! Я же сказал, что хватит с меня! Нет между нами ничего! И не будет! Всё! – Отключается и сразу же впивается в меня огненными от злости глазами. – У тебя день не задался? Или ты всегда такая ненормальная?! Минуту назад я готов был оплатить все твои потери в этой нелепой ситуации, но теперь черта с два ты от меня хоть что-то получишь!

– Знаешь что? – улыбаюсь я, ткнув в него пальцем. – Засунь свои «оплатить потери» себе в задницу! И можешь прихватить туда разбитую вазу, а бабуле я скажу, что мне пришлось уступить её одному неуравновешенному идиоту, который буквально расплакался на моих глазах!

– Ты точно ненормальная!

– Кретин!

– Посмотри на себя! Ты же дура с мозгами курицы!

- А твои настолько объемные, что из глаз вылазят и, видимо, поэтому ты ничерта не видишь вокруг!

- Идиотка!

- От идиота слышу! - кричу я и плевать, что на нас пялятся.

- Максим? - вдруг раздаётся женский голос в стороне. Высокая блондинка с волнистыми волосами, сверкающими на солнце, точно золото, спешит к нам. Её грудь забавно подскакивает при каждом шаге. - Максим, что это за дела? - требовательно смотрит она на кретина, испоганившего и без того хреновый день. А потом вдруг её взгляд утыкается в меня, да с таким отвращением, будто перед ней мусор. - Кто это? Она что ли?

- Оля, ты что здесь делаешь? - сквозь зубы спрашивает он её. - Мы поговорили и всё выяснили!

- Что ты вылупилась на меня? - спрашиваю я.

Мой вопрос заставляет девчонку ахнуть.

- Максим, что эта гадина себе позволяет? Как ты можешь находиться с ней рядом? И что это за развалюха, на которой ты едешь? Что вообще происходит?

- Оля, уйди! - приказывает он, махнув рукой. - А ты, - с ненавистью смотрит он на меня, а потом оглядывает мои ноги, - садись в машину!

- Что?! - рычу я.

- Что, прости? - спрашивает эта Оля. - Так ты не обманывал меня? У тебя действительно появилась какая-то шлю...

- Иди ты к черту! - заявляю я, пихнув его рукой. - Впредь, смотри по сторонам, идиот!

- А ты себе рот закрой! - бросает он мне в лицо. - Или воспользуйся степлером!

- Кретин!

- Дура!

Поднимаю коробку с разбитой вазой и всучиваю ему.

- Это тебе! Ты знаешь, куда засунуть!

До блевоты хреновый день. Ужаснейший! Чертова ваза, за которую я отдала двадцать девять тысяч, разбита, а заказать новую у меня нет денег. Когда мама узнает, она очень расстроится. Но ровно до тех пор, пока я ей не придет в голову купить другую. От расстройства до «шикарной» идеи секунд десять, так что не долго моя музыка будет играть.

В большом зале популярной пиццерии яблоку негде упасть. Кругом дети. Сегодня здесь веселятся детсадовские выпускники, которые уже этой осенью отправятся в первый класс. Вот она – беззаботная, забавная и легкая жизнь! Как же я им завидую. Обнаруживаю племянницу за столиком у окна в компании любимых подружек. Они хохочут, едят пиццу и делают селфи на свои новейшие телефоны. Кроме Розы. Её сотовый предназначен исключительно для звонков и написания смс-сообщений.

Обожаю её и ненавижу себя за невозможность дать ей то, что есть у многих детей. Роза – моя самая любимая, верная и лучшая подружка, которая в свои семь лет знает, почему и зачем нужно хранить секреты. Уж кто-кто, но эта потрясающая во всех смыслах девочка никогда меня не подведет. Она – мое бьющееся сердце, согревающее солнце и то, что побуждает меня идти дальше, каким бы сложным ни был путь.

Машу ей рукой. Она так похожа на свою маму, особенно живой и лучезарной улыбкой, словно на свете не бывает ничего плохого.

- Азалия приехала! – сообщает она своим подружкам. Девочки машут мне рукой. – Пора уезжать. Отправьте фотографии на её телефон, хорошо?

Пока Роза прощается с подругами, я лезу в сумочку за своим сотовым, чтобы позвонить маме. Надеюсь, они с бабулей уже устали и с нетерпением ждут, когда приедут домой.

– Твою же бабушку за ногу! – вырывается у меня, когда я, не обнаружив телефона в сумочке, вспоминаю, что последний раз, когда держала его в руках, меня сбил урод на своей развалюхе.

Ловлю на себе неодобрительные взгляды родителей, согласившихся сопровождать своих чад. Роза, явно услышав меня, выдавливает свою фирменную улыбочку «всё ок» и часто хлопает глазами.

– Как прошла твоя вечеринка? – спрашиваю я, взяв её за руку.

– Отлично! Посмотри, что подарил мне Леня!

Заглядываю в небольшой бумажный пакет.

– Ого! Шампунь и пена для ванны! Да ещё и твои любимые!

– Ага! Мой набор «Волшебной Феи» пополняется.

Когда мы выходим на улицу, Роза со вздохом уставшей шарлатанки спрашивает:

– Ну, рассказывай, что там у тебя приключилось? Ого! – смотрит она на мои разодранные ноги. – Что случилось, Азалия?

Открываю перед ней заднюю дверцу.

– Не беспокойся. Я просто... Я потеряла свой телефон, разбила вазу, которую мы хотели подарить бабушке на день рождения, а ещё меня атаковали банки, которым я должна деньги.

– Ясно, – понимающе кивает Роза и залазит в машину. – Всё, как всегда. За исключением телефона и... Тебе больно?

Пристегиваю её ремнями безопасности.

– Нисколько. Но я сейчас очень подавлена и зла. Дай-ка мне свой телефон, пожалуйста. Будем надеяться, что его подобрал здравомыслящий человек, который с радостью вернет его мне.

– И бесплатно, – со вздохом добавляет племянница.

– Это точно.

Роза отдает мне свой телефон, и я набираю свой номер. Сажусь в машину, слушаю гудки.

– Алло? – раздается низкий мужской голос.

– Добрый вечер. Я звоню на свой телефон, который вы, вероятно, нашли. – В трубке раздается короткий смешок. – Алло? Вы слышите меня? Я была бы вам очень признательна и благодарна, если бы вы вернули мне мой телефон. Пожалуйста.

– Обалдеть! А ты, оказывается, можешь быть вежливой.

Моментально темнею от злости, поняв, в чьих руках сейчас мой телефон.

– Скажи, где ты? – бросаю я. – Подъеду сейчас же и заберу.

– А, нет, показалось. Всё та же неадекватная личность. Я тут что подумал: почему бы мне не сделать то же самое с твоим телефоном, как ты поступила с моими очками? Которые, кстати, действительно были в одном экземпляре?

Стараясь сдержать себя от очередного крика, я с силой сжимаю кулак. Медленно выдыхаю пропитавшимся негативом воздух и как можно ласковее произношу:

– Может, потому, что ты уже разбил мою вазу и мои колени? Не многовато ли «геройских» поступков для одного дня?

– А тебе палец в рот не клади! Только подумал, что ты утихомирила свою истеричность, как нет же, снова ляпнула гадость.

– Слушай, у меня нет времени на разговоры. Просто будь мужиком и верни мой телефон!

– Не ругайся при дочери! Хочешь вырастить из малышки такую же истеричку? Ладно, ближе к делу: нам нужно встретиться.

– Неужели! Родил!

– Полегче, – его голос вдруг стал значительно серьезнее. – Я и передумать могу. Освобожусь через пару часов. Не поздно для тебя, мамочка?

– Я сама в состоянии приехать сейчас же и забрать свой телефон!

– Но только я не в состоянии тебе СЕЙЧАС ЖЕ его отдать. Так что говори, где тебе удобно будет встретиться?

Терпеливо выдыхаю.

– У озера в «Троицком». Только предупреждаю сразу, там повсюду шлагбаумы, поэтому тебе придется идти пешком до набережной минут двадцать. С твоими-то навыками вождения это очень даже хорошо.

– Почему это мне придется идти пешком? – хмыкает он.

– Потому что проезд там только для своих. Чужаки идут лесом. Ну, ты и сам увидишь. Буду ждать тебя ровно в девять, – мой голос твердый и решительный. – Без опозданий, понял?

– А ты и впрямь ку-ку, – говорит он, а я уже сбрасываю наш разговор.

Возвращаю телефон Розе, которая с любопытством таращится на меня.

– Ничего не говори маме и бабушке, ладно? Надеюсь, этот придурок больше не станет отвечать ни на какие звонки.

– Когда я им что-то рассказывала? – Мы улыбаемся друг другу. – А что там за «придурок»? Похож на Петю, который постоянно девочкам платье задирает и козявками из носа стреляет?

– Не удивлюсь, если так. Не забудь напомнить мне, чтобы я взяла с собой газовый баллончик.

– Напомню. Только не надевай платье, – улыбается мне Роза. – Чтобы этому «придурку» нечего было задирасть.

– Спасибо за совет, родная. Спасибо.

2

Сославшись на усталость, я желаю всем доброй ночи и ухожу к себе.

«К себе» – это мой небольшой домик, который находится на том же участке, что и основной, где живут мама, бабушка и Роза. Папа построил его для моей старшей сестры Лианы, чтобы, когда она родит им с мамой долгожданную внучку, могла пожить рядом с ними, а не в душном и загрязненном городе. Эдакое собственное гнездышко, но недалеко от родителей. Здесь есть всё самое необходимое для хорошей и уютной жизни. Когда мне удастся обзавестись собственным жильем, этот домик станет гостевым.

Приняв душ, я переодеваюсь в спортивный костюм. Завязываю густые темные волосы на затылке широкой резинкой и оглядываю себя в зеркале. Задирает мне нечего, а вздумает распускать руки, так я ему между ног врежу и распылю баллончик в глаза. Главное, телефон забрать, потому что все «запасные», какие имелись у нас, я давно распродала. Разноцветные шарики гирлянды освещают небольшую террасу, выходящую во внутренний дворик. Поднимаю взгляд на большое окно в спальне Розы: там висит такая же, сверкает. Мне всегда казалось, что этот девичий романтизм в ней от меня. Лиана не понимала, зачем нужны все эти украшения, огоньки, цветочки, травка в горшочках, пледы, подушки с вышивкой, коврики и забавные статуэтки. Но я точно знаю, что ей

нравилось засыпать под убаюкивающий танец светящихся огней и накрываться теплым пледом, который я связала для нее. Она отлично работала с цифрами, могла без труда составлять планы на недели вперед и совершенно не умела сочетать цвета, фактуры и стили. И, наверное, потому мы отлично дополняли друг друга.

Застегнув молнию на спортивной кофте, прохожу вдоль кирпичного забора и тихонько открываю калитку. Порой мне кажется, что бабушка услышит её скрип даже, если будет включен пылесос в доме. Свернув за угол, спускаюсь по узкой протоптанной дорожке, над которой возвышается величественный каштан. Наш поселок похож на многоярусный торт, в самом низу которого растекается сверкающее озеро с собственной набережной. Ранним утром здесь совершают пробежки местные жители, в числе которых и я. Вечером выходят мамочки с колясками, пожилые парочки и те, кому осточертел шумный город.

Неспешно приближаюсь к тропинке, по которой сюда спускаются чужаки из города. Здесь есть небольшая парковка, но заехать сюда могут только те, чей номер телефона вшит в сим-карту модуля самого шлагбаума. Это преимущество есть только у местных жителей.

Оглядевшись, сажусь на лавочку и складываю руки на груди. Хороший и безветренный вечер, омрачаемый гнетом финансовых трудностей. Понятия не имею, где достать эти деньги. Я продала всё, что оставалось незаметным для мамы и бабушки: телефоны, моноблок, новую пару туфель известного на весь мир бренда, украшения и даже ортопедический стул. Точно наркоман, я тащу из дома вещи и продаю их, но не ради покупки наркотиков. Мне просто нужно вовремя вносить платежи по кредиткам, а они – истинное зло двадцать первого века.

Ну, и где этот кретин? Уже десять минут десятого, я долго его ещё ждать буду?

Замечаю плавное моргание стильных фар на парковке. Черный Audi похож на взрослого кота с неутомимой игривостью котенка. Автомобиль сверкает роскошью при свете уличного фонаря, ребра на капоте задают дерзкий спортивный стиль. Да уж, милая тачка. Смотрю в сторону тропинки. К озеру спускаются влюбленные парочки, дети съезжают на велосипедах. Достая телефон Розы и набираю себе.

– Слушаю?

– И где тебя носит? – перехожу я к делу. – Ты что, девочка, которая никак решить не может, что ей надеть?

– Да откуда же в тебе столько злости? Вообще-то, я приехал вовремя. А ты села на лавочку в пять минут десятого, так что, нерешительная девочка из нас – ты.

Оглядываюсь, пытаюсь найти его, хотя уже смутно помню лицо. От переполнившей меня злости кровь, по-видимому, прилила к голове и отключила память. Единственное, что до сих пор стоит перед моими глазами – ВАЗ 2114 и дурацкая надпись на багажнике.

– И где ты? – Кажется, у него были темные волосы. И пахло от него шампунем с нотами свежего парфюма. – Ну, и? Где ты, черт возьми?

– А ты не видишь?

Мне стоит огромных усилий сдержать себя от грязного словечка. Да такого, что у него уши в трубочку свернутся. Снова замечаю плавное моргание стильных фар. Белый свет гаснет и плавно загорается вновь.

– Верно мыслишь, – слышу я в трубке дерзкий смешок. – Когда ты пришла сюда, я уже был на месте. Так что, опоздала ты. Поднимай пятую точку и иди сюда. У меня мало времени.

Сбросил. Этот придурок дал мне команду и отбился! Какого черта он приехал сюда на этой дорожке тачке? И как вообще ему удалось заехать под шлагбаум?

Стараясь взять себя в руки, я поднимаюсь и, расправив плечи, уверенно иду к спортивной машине. И чем ближе я подхожу, тем сильнее охреневаю. Это же RS7. Audi RS7! Да она же стоит, как тридцать моих KIA! Когда непроницаемо черное стекло пассажирской двери опускается, появляется знакомая физиономия, освещаемая слабым светом приборной панели.

– Садись.

– Ещё чего! Отдай мой телефон и катись по своим делам.

– Поверь, я очень этого хочу. Но, как оказалось, нам есть, что обсудить. – Смотрю на него так, будто он неменяемый. – Мы можем друг другу помочь, Азалия Викторовна. Так что садись, много времени у тебя не отниму. И телефон свой заберешь, – вертит он моим гаджетом, а потом кладет его на изогнутую панель над рулевым колесом.

Поджав губы, сажусь в его машину. Откуда ему известно мое имя и отчество? Он не мог залезть в мой телефон, потому что на нем установлен пароль. Боги! Какое же невероятное кресло. Оно обнимает меня, ласкает, щекочет. Это же настоящий рай не иначе! Но, ближе к делу. Протягиваю ладонь, чтобы он отдал мой сотовый. Но брюнет лишь усмехается и с демонстративной медлительностью отталкивает мою руку.

– Сначала поговорим. Кстати, меня зовут Максим. – Молча смотрю на него, демонстрируя нежелание находиться здесь. – Ладно. В твоей «воспитанности» и «дружелюбии» я не сомневался.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Ты удивишься, но я узнал о тебе достаточно за три с половиной часа. Даже больше, чем хотелось бы.

– Ты что, лазил в моем телефоне?!

– Ты думаешь, мне есть дело до жизни какой-то истерички? Пф! – фыркает этот Максим. – Он без конца звонил, пришлось даже на беззвучный ставить. Хочу сказать, что тебя просто обожают банки. Я насчитал пять штук, – с издевательской улыбкой смотрит он на меня. – Которым ты должна.

– Ну, и козел же ты, – закатываю я глаза, стараясь скрыть чувство стыда. – Какое право ты имеешь отвечать на звонки чужого человека? Ты кем себя возомнил?!

– Просрочек столько, что я удивлен, как на тебя ещё в суд не подали? – усмехается он.

– Кретин! – зло бросаю я и тянусь к телефону. Будто без него не знаю, насколько у меня хреновое положение. – Отдай! Отдай сейчас же!

Максим прячет его под своей ногой и поворачивается ко мне корпусом.

– Да стой же ты! Дикарка! Ты не услышала главного! Я могу тебе помочь разделаться с долгами!

– Телефон мой отдай! – смотрю я в его глаза. – Живо!

– Подумай над этим.

– Я сейчас так тебе подумаю! Выйду и начну кричать, звать на помощь и тебя закроют обезьяннике!

– Кричать-то ты умеешь, знаю, – усмехается он, глянув вперед. Максим блокирует дверные замки и снова смотрит на меня с деловитой серьезностью. – У меня есть к тебе предложение и если ты вот так сразу откажешься от него...

– Даже слушать не буду, понял?! Ты сбил меня на своей развалюхе! У меня разодраны все ноги! Ты разбил вазу, которая стоила двадцать девять тысяч, и моя бабушка осталась без подарка ко дню рождения!

– Двадцать девять тысяч за какую-то вазу? – удивляется он. – Для человека с финансовыми проблемами ты слишком позитивно мыслишь! Или просто очень любишь свою бабушку, – иронизирует остряк. – Я правда могу помочь тебе. Ну, по крайней мере, облегчить жизнь. У тебя ведь дочка есть. Разве ей не нужен компьютер, телефон, платья, куклы? А бабушке необходима ваза! Дам тебе немного времени, чтобы поразмыслить.

Мой взгляд, полный гнева и возмущения, молчаливо проходится по его наглой физиономии. Надо признать, этот парень хорош собой. Но стекла здесь почти не пропускают свет с улицы, поэтому с уверенностью утверждать, что он тот ещё обаяшка, ни за что не стану. Правда, пахнет здесь приятно. Холодность океана, свежесть водопада, ментоловый шлейф.

– Подумала?

– Над тем, какой ты болван? Да, подумала. Телефон мой верни.

Максим улыбается, чуть опустив стекла. Почесав подбородок, поросший колючими волосками, он бросает резкий взгляд в сторону, приближается ко мне и опускает руку на подлокотник между нами.

– Сыграй мою девушку! – заявляет он таким тоном, будто приказывает мне обратиться в его доме после шумной вечеринки. – Это ненадолго. Пару месяцев максимум. Но даже за столь короткий период ты сможешь заработать прилично, поверь мне.

– Тебя мама уронила в детстве?

– А тебя каждое лето отправляла в лагерь для хамов? Я тебе предлагаю возможность закрыть свои долги или хотя бы частично их погасить. В любом случае, мне всё равно, что ты с деньгами делать будешь. Главное, выполни свою работу.

– «Работу»? Работу!

– Разумеется! – фыркает он. – Наверяд ли найдется здравомыслящий мужик, который станет с тобой встречаться по-настоящему. Ты грубая, наглая, дерзкая и походу твой инстинкт самосохранения где-то затерялся. Потому что отчеканивая грубости, ты рискуешь получить...по лбу. Это в лучшем случае.

– Телефон мой отдай! – настаиваю я.

– У тебя есть время до завтрашнего дня. Жду ответ до двенадцати часов, потом будет поздно. Чтобы ты не выбросила визитку с моим номером, я нацарапал его иголкой на задней крышке твоего телефона.

– ...Что сделал?! – Он отдает мне мой сотовый и я спешно извлекаю его из прорезиненного чехла. – Ты что наделал?! Какого черта?!

– Теперь тебе придется либо купить новый телефон, либо выбрать бюджетный вариант и заменить полностью весь корпус. Но, поскольку, денег у тебя – кот наплакал, – усмехается он самодовольно, – ты будешь ещё долго смотреть на

эти красивые цифры и вспоминать меня.

- Да ты же просто наказание какое-то!

- Это как посмотреть.

Тяну на себя ручку, но дверь заблокирована.

- Живо открой дверь! Псих ненормальный!

- А бывают психи нормальные, да? - усмехается он. - Думай! Время у тебя до двенадцати дня. Даже не надейся на секс, любовь, симпатию, дружбу и прочую мутотень. Ты работаешь - я тебе плачу, - холодным и деловым тоном отчеканивает Максим. - Только бизнес. Другие подробности завтра. Если, конечно, согласишься.

Разблокировав дверные замки, Максим опускает передние стекла. Я с силой захлопываю дверцу и наклоняюсь, чтобы заглянуть в салон.

- Пошел ты в жопу, урод! - бросаю я напоследок и с радостью демонстрирую средний палец.

- Только после тебя, курица, - усмехается он и со свистом выезжает с парковки.

3

Считаю петли на спицах и прислушиваясь к пению птиц. По утрам они садятся на крышу и начинают трезвонить свои популярные хиты, а наш рыжий кот Чудо сходит с ума от невозможности добраться до них. Мой новый проект пришелся по вкусу вязальщицам. Классический сарафан из натурального льна с тончайшей нитью королевского мохера теперь вяжет каждая вторая моя подписчица. С наступлением лета я постепенно перехожу на осенне-зимний сезон и теперь мой проект - разноцветный кардиган из плотной нити мериносо, альпаки и люрекса. Должно получиться что-то очень восхитительное и уникальное.

Мой основной заработок составляют продажи. Созданные мной вязаные изделия отправлю по всему миру, создаю подробные описания, провожу видеоуроки и мастер-классы для начинающих вязальщиц или тех, кто знает о нем всё и даже больше, но хочет отдохнуть в приятной женской компании, поделиться опытом и выпить кофе. Правда, последнее мероприятие не проводилось давненько, поскольку у меня нет денег, чтобы арендовать зал в небольшой, но уютной, а главное с хорошим светом кофейни. Не будь у меня столько кредитов, сжирающих большую часть прибыли, я бы уже давно переехала в город. Сняла бы квартиру с террасой на крыше и оборудовала бы там свою маленькую студию. Мама с бабушкой редко бы приезжали ко мне, потому что ехать далеко, да и не любят они городскую жизнь. А я бы очень хотела вернуться в прошлое, где у меня было всё. Хотя бы свой уголок, где я могла бы уединиться. Потому что, даже живя в отдельном доме, имея свой небольшой дворик, примыкающий к основному, мне редко когда удается побыть одной. И порой это очень раздражает.

– Доброе утро, родная! – Бабушка идет по тропинке с кружкой кофе, который позволяет себе исключительно по утрам. – А ты уже работаешь! Бедная моя внученька.

– Привет, бабуль, – закатываю я глаза. – Как спалось?

– Знаешь, хочу сказать, что очень даже хорошо, – усаживается она в мягкое кресло из ротанга. Забросив ногу за ногу, бабуля взбивает пальцами светлые кудряшки, которые каждое утро накручивает старинной плойкой, потому что современные ей, видите ли, не подходят. – Мне снилась ты и туфли.

– Надеюсь, красивые?

– Ещё какие! Их было так много, что ты никак не могла определиться. Ты ведь знаешь, к чему снится обувь?

– Я живу с тобой уже много лет, бабуль. Каждое утро ты приходишь ко мне и рассказываешь свои сны. А ещё ты гадаешь по кофейной гуще и потому я знаю много всего. Обувь – к жениху. Верно? – смотрю я на нее.

– Именно, родная! Именно! – Сделав глоток кофе, бабушка ставит кружку на стол и, соединив ладони, словно собирается молиться, с улыбкой смотрит на

меня. – У тебя скоро появится жених. И, вероятно, не один.

– Сон приснился тебе, – смеюсь я. – С удовольствием гульну на свадьбе своей бабули.

– Ой, скажешь тоже! – фыркает она, махнув рукой. – Не я ведь туфли выбирала, а ты, Азалия. Давай-ка, я заварю тебе кофе!

– Бабушка, нет!

Она уже поднимается и бежит на кухню. Остается десять петель, а я не помню на какой по счету остановилась. Двести пять или двести шесть? Вот же, бабуля!

– Знаешь, что рассказала мне вчера Вера Васильевна? – говорит бабушка из кухни. Стекланные раздвижные двери открыты, слышу звон посуды. – Её внучка Женечка осенью выходит замуж, представляешь? А девочке девятнадцать! Влюбилась, говорит, и всё! Родители уже пригрозили ей, что заберут машину, не будут оплачивать образование, а она уперлась! Её жених взрослый! Старше её на двенадцать лет, ты можешь себе представить?!

– Вас, дамочек, не поймешь! «Замуж нужно выходить за опытного и состоявшегося мужчину, да как можно раньше»! А, когда это случается, вас уже не устраивает. Определитесь, в конце концов.

– Азалия, ей девятнадцать! – выглядывает бабушка из кухни. – А её жениху тридцать один!

– Любовь, – хмыкаю я, нарочно раздражая бабулю.

– Какая там к черту любовь, Азалия? – тихонько бубнит она. – Негодяй задурил девочке голову, а она уши-то и развесила! Зачем так торопиться с женитьбой? Пусть поживут вместе, притрутся. Вдруг они не уживутся? Ей девятнадцать! Помню, в свои девятнадцать я была той ещё зажигательной смесью.

– У тебя и сейчас фитилек пылает.

Бабушка смеется и снова скрывает на кухне. Она рассказывает о другой внучке своей подруги, а мои уши улавливают слабое дребезжание автомобильного двигателя где-то неподалеку. Оборачиваюсь. Отсюда не виден наш забор и дорогу за ним, зато, если подняться на стул, можно заметить машину, если, конечно, к нам кто-то приехал.

– ...Бабуля, я отлучусь в туалет, – говорю я, заметив сверкающую крышу красной машины у наших ворот.

– Кофе будет готов через пять минут!

Кого это принесло в такую рань? Открываю кованную калитку и смотрю на невысокого мужчину в костюме и галстуке. Его хмурая физиономия не сулит ничего хорошего.

– Доброе утро. Чем я могу вам помочь?

– Доброе. Мне нужно найти Романович Азалию Викторовну.

Закрываю калитку и подхожу к нему.

– Это я. В чем дело?

Он кивает и достает из машины прозрачный файл с документами.

– Азалия Викторовна, я – представитель «ФинПомБанк» и приехал уведомить вас о решении, принятом относительно нашего с вами сотрудничества.

– ...Каком решении?

– Вчера вы дали ясно понять, что погашать задолженность не собираетесь. И потому банк в праве требовать от вас выплату кредита в полном объеме. На сегодняшний день это сто девяносто пять тысяч рублей. Напоминаю, что каждый просроченный день будут начисляться пенни. У вас есть двенадцать дней до выплаты, то есть начиная с тринадцатого июня начнет начисляться штраф.

– Пойдите! Вчера я не разговаривала с вашим банком! Я не говорила, что не собираюсь погашать задолженность, о чем вы?

– Я не занимаюсь телефонными звонками, Азалия Викторовна. Я встречаюсь с должниками и вручаю им в руки пакет документов. Вот, прошу, распишитесь, что вас уведомили и вы получили необходимые документы, – протягивает он мне шариковую ручку.

– Послушайте, я не смогу найти сто девяносто пять тысяч за двенадцать дней!

– Постарайтесь. Просрочка тоже не резиновая. Если до конца месяца вы не вернете деньги банку, он предоставит документы в суд, а изъятие имущества сейчас осуществляется очень быстро. Сами посмотрите: только вчера состоялся телефонный разговор, а уже сегодня утром – я у вашего дома. У вас есть машина?

– ...Есть. Но это единственное, чем я владею.

– В таком случае, ищите деньги. И распишитесь.

Калитка издаст скрип и на улицу выходит бабушка. Мое сердце подскакивает к самому горлу.

– Доброе утро, – здоровается она с мужиком. – Азалия, а что случилось? Кто к нам пожаловал?

– Доброе утро. Я – представитель...

– Поставщик итальянской пряжи, представляешь? – перебиваю я, наспех расписываясь в документах. – Сам меня нашел, приехал! Вот, – демонстрирую я файл с бумажками, – коммерческое предложение вручил! Спасибо огромное! Я со всем ознакомлюсь, зайду на сайт, изучу и обязательно с вами свяжусь!

– Как здорово! – улыбается бабуля. – Может, вы хотите выпить ко...

– Аркадий спешит! – перебиваю я, вытаращив глаза на мужика. – Видишь, человек в какую рань приехал! Потому что работы непечатый край, – опускаю

руку на плечо бабули и буквально заталкиваю её обратно во двор. – Всего хорошего вам, Аркадий! Спасибо, что заехали!

– Я Григорий вообще-то, – сухо цедит он, неодобрительно оглядев меня.

– Всего вам хорошего, Николай-Федор-Дмитрий Аркадиевич!

Закрываю калитку на замок, стараясь справиться с дрожью в руках. Как только бабушка поворачивается ко мне, я напяливаю фальшивую улыбку и, взяв её под руку, веду нас обратно к моему домику.

– Я так горжусь тобой, внученька! – гладит она меня по руке. – Гляди, поставщики уже и домой к тебе приезжают! Я думала, что сейчас такие вопросы решаются через компьютер. А нет, гляди, живое общение до сих пор в моде! – смеется она.

– Угу, – киваю я, с трудом перебирая ватными ногами.

Сажусь в кресло, прижимая к себе бумаги. Бывает же такое, что сердце начинает болеть от нехватки чертовых денег. Двенадцать дней здесь. Пять дней там. Десять ещё где-то. И всем нужны от меня деньги, а их нет. И продать мне остается только машину, а этого я ни за что не сделаю. Тогда, может почку?

– Азалия? – смотрит на меня бабуля. – Пей давай кофе. Да будем гадать!

– Бабушка, я что-то не очень...

– Очень! – настаивает она. – Давай, родная, хочу поглядеть, что там тебя в ближайшем будущем ожидает.

Сказать, что? Жопа. Жирная, в целлюлите и без трусов.

– Доброе утро, девочки мои! – здоровается мама. Она идет по дорожке босиком в своем шелковом длинном халате и пьет кофе. – Чем это вы тут в такую рань занимаетесь?

Бабушка рассказывает ей о госте, и мама приходит в восторг. Они настолько доверяют мне, что даже логически предположить не могут, какой нормальный человек попрется в дом предполагаемого заказчика, чтобы вручить ему на руки коммерческое предложение!

Протягиваю бабушке кружку с осевшей на дне кофейной гущей. Мне сейчас совершенно не до глупых развлечений.

– Вот оно! – кивает бабуля и снимает круглые очки в дорогой позолоченной оправе. Это был подарок от папы. – Жених!

– Что, что, что?! – воодушевляется мама. В любой другой день я бы пресекла разговор на тему, которая давно стоит у меня поперек горла, но сегодня даже на это нет сил. – Ты не ошиблась, мама?

– Скажешь тоже, Мелисса! Когда твоя мать ошибалась? – фыркает бабушка, а потом снова надевает очки. Она крутит мою кружку и так и сяк. – Вижу мужчину. Богатого! Настоящий красавец!

Мама смотрит на бабушку с огромной надеждой в счастливых глазах и хлопает в ладоши. По дорожке бредет сонная Розочка, прижимая к себе своего плюшевого коричневого медведя Моммо. Каждая из нас по очереди чмокает малышку, а потом она усаживается ко мне на колени и опускает голову на грудь.

И так почти каждое утро: все приходят ко мне, со своим кофе, чаем, соком, садятся в кресла, беззаботно любуются цветущим садом и огородом бабушки.

– Непростой же у него характер, я вам скажу, – продолжает бабуля. Роза хихикает, заплетая в косичку мои и свои волосы. – Требовательный! Жесткий, как утиное мясо, если скупиться на времени и как следует его не потушить в казане.

– Что с тобой? – шепотом спрашивает меня Роза. – Опять тебе кто-то испортил настроение?

– Всё в порядке, – целую её в макушку. – Бабушка как обычно заладила.

Моя племянница понимающе кивает и продолжает заплетать косичку. Мне не у кого занять столько денег. Даже мои подруги не в курсе, насколько плохи дела. Никто из них не сталкивался с кардинальными переменами в жизни и потому им не суждено понять меня и мои решения. А мне бы сейчас очень не помешала их поддержка в денежном эквиваленте.

– Этот мужчина слов на ветер не бросает, – продолжает бабуля. – И он очень умный. Не профукай его!

Через пару месяцев начнется подготовка к первому классу и нам снова понадобятся деньги. Чтобы заработать на тетради и школьную форму, мне нужно вязать на заказ днями и ночами. Почему же в сутках всего двадцать четыре часа?!

– Ты забрала свой телефон? – шепотом спрашивает Роза. – Кажется, я забыла напомнить тебе о баллончике.

– Да, забрала. И баллончик был со мной.

Она весело хихикает, напоминая мне Лиану. Сестра бы убила меня за то, что я наделала. Ей бы не составило труда начертить план семейного бюджета и сделать так, чтобы не погрязнуть в этих чертовых долгах.

В мысли стучится непрощеный гость с дурацким во всех смыслах предложением.

«Сыграй мою девушку».

Интересно, и как он себе это представляет? Сумасшедший точно.

– Мама, ты зарядила меня хорошим настроением на весь день! Азалия, ты не будешь против, если мы с Розочкой съездим в город на аттракционы? Сегодня День детей и на центральной площади будет праздничная программа.

– Почему ты спрашиваешь? Делайте, что хотите.

– А ты с нами не поедешь? – смотрит на меня Роза.

– Нет, милая. Ты же знаешь, мне нужно работать. Сегодня закончу кардиган, который ждет девушка из Праги.

– Ого! Это далеко?

– Очень далеко.

– Раз уж вы в город собрались, отвезите меня в «Деревеньку»! – говорит бабушка. – Хочу ещё прикупить семян петрушки и укропа. Да и Васильевна говорила, что туда привезли кустовые розы, которые я ждала.

– Хорошо. А потом мы все вместе пообедаем где-нибудь, идет? – предлагает мама.

– Пиццу и молочный коктейль! – радуется Роза. – Ура-а-а-а!

А ещё нужно заправить машину.

А на обратном пути они обязательно заедут в продуктовый магазин и привезут несколько пакетов.

А ещё то, пятое, десятое.

И мои кредиты.

4

11:48

Я спятила, да?

Уже который час тарашусь на свой телефон и хожу туда-сюда по террасе, невзирая на палящее солнце.

Позвонить?

И что ему сказать?

«Привет! Я готова выйти на работу»?

Черт, Азалия, какая работа? Я даже не знаю, что должна делать и почему эту туфту он предложил именно мне?

11:54

С меня же не убудет, если я просто позвоню ему и узнаю подробности вакансии? Вполне возможно, что это развод и он просто посмеется надо мной! А если это всё правда, тогда я заброшаю его вопросами, потому что нелепица не укладывается в моей голове. И откуда у него такая дорогая машина, когда сбил он меня на грохочущей развалюхе?

11:58

Он может и трубку-то не возьмет. Ладно, к черту! Набираю цифры, которые болван выцарапал на моем телефоне и жду. Один гудок, второй, третий.

– И почему я не удивлен? – говорит он со смешком, который раздражает даже мои внутренности. – До конца действия моего предложения остается меньше минуты и ты звонишь сказать, что готова его принять.

– Я звоню сказать, что хочу узнать...детали, – с трудом сдерживаю я себя. – Мне сложно понять, что представляет из себя это предложение, поэтому я хочу знать подробности.

– Резонно. Тогда встретимся на том же месте через пару часов, – командует он. – Я буду в черной машине.

– А если я не могу через пару часов?

– Тогда прощай возможность заработать легкие деньги.

Опять сбросил. Швырнув телефон в кресло, я смотрю на цветущий сад бабули. Кусты роз, пионы, ирисы – загляденье, не иначе. А запахи здесь такие, что ни один цветочный парфюм не сравнится с легкостью сладкого шлейфа, дарованного нам природой.

Я что и впрямь снова встречу с этим болваном? Как же низко я пала, однако, к своим несчастным двадцати восьми годам.

День сегодня жаркий. Для прогулки по озеру с удовольствием надела бы джинсовые шорты, но колени разодраны, как у ребенка. Выбираю светлые джинсы, белую футболку и летние кроссовки с тремя зелеными полосками. Остатки былой роскоши, так сказать. Стоит отдать должное пунктуальности этого Максима: когда спускаюсь с тропинки, уже отсюда вижу его черный Audi в тени высокой и старой шелковицы. Сам он сидит рядом на лавочке. Вытянув ноги вперед, смотрит на озеро, в котором плавают уточки.

Сажусь рядом, опустив белую сумку-коробочку на ноги. Солнцезащитные очки не снимаю, ведь так я чувствую себя увереннее. Да и Максим не спешит избавляться от своих.

– О! – улыбаюсь я, нарочно оглядев его. – Гляжу, у Абдуллы снова побывал. Те, что я раздавила, шли тебе больше.

Его губы растягиваются в кривой улыбке, оголяя белоснежные и острые зубы. Мой взгляд цепляется за эмблему на его светлых джинсах – Giorgio Armani. Белая рубашка-поло – Calvin Klein. Кроссовки – из последней коллекции Nike. Да уж, любопытный экземпляр.

– Те очки были мои любимые, – с фальшивой улыбкой отвечает Максим.

– А теперь, судя по всему, станут эти нелепые. Ладно, ближе к делу! Что тебе от меня надо? Конкретнее, пожалуйста.

– Твое «пожалуйста» звучит, как угроза. – Максим поворачивается ко мне корпусом и опускает левую руку на спинку лавки. Он не похож на человека,

предпочитающего лишнее рассусоливание. – Ты должна сыграть мою девушку. Сделай вид, что без ума от меня. Ну, ты и сама знаешь.

– Нет, не знаю. Потому что быть «без ума от тебя» входит в список абсолютных невозможностей человечества. Зачем тебе это? У тебя что, проблемы с девушками?

– Я похож на того, у кого есть проблемы с девушками?

– Если ты предлагаешь мне сыграть твою девушку, значит у тебя есть проблемы с девушками. Не знаю, какие, но они точно есть.

– Мне нужно от одной из них избавиться, – прямо заявляет он. – Она вбила себе в голову, что между нами любовь, а впереди нас ждет счастливое совместное будущее. Меня она не слышит, а я начинаю терять терпение. Единственное, что хоть как-то отрезвляет её, мысль о том, что у меня кто-то есть. И это случилось вчера, когда она наткнулась на тебя.

– А-а! – смеюсь я, почесав лоб. – Так это та истеричная блондинка?

Максим продолжительно кивает и снимает очки. С усталой задумчивостью оглядывает мое лицо, а потом устремляет взгляд на кричащих уток. А у него красивый цвет глаз. Как мокрый асфальт после дождя.

– Вчера она решила, что ты – моя девушка. Не буду говорить, какими ласковыми словами она тебя называла, но, когда я не опроверг её слова, Оля притихла.

– Неужели ты не можешь справиться с глубочайшей симпатией девушки? – искренне удивляюсь я, оглядев его. – На сопляка ты не похож.

– Пф! Спасибо тебе.

– А сказать прямо не пробовал? – Максим удостоивает меня снисходительным взглядом. – Ладно, тогда сделай что-то нелепое! Из ряда вон выходящее для твоей натуры, чтобы она сделала «Фи» и отвалила от тебя.

– Я и делаю, – закатывает он глаза, – обзавожусь постоянной девушкой, которую до беспамятства обожаю!

– И ты думаешь, что это сработает?

– Если ею станешь ты – абсолютно точно.

– Что это значит? – хмыкаю я, сложив руки на груди.

– Давай смотреть правде в глаза: ты истеричка? Истеричка, – кивает он. – От злости способна уничтожить даже то, что тебе не принадлежит? Способна. Если знаешь, что не права, будешь всё равно стоять на своем? Будешь. Ко всему прочему, ты дерзкая, грубая, не тормозишь с ответом, остроумная в хамстве и красивая. А ещё тебя возненавидела Оля и это навсегда. Полагаю, достаточно, чтобы уничтожить психоз в её голове, подавить восстание гормонов или черт знает чего ещё, а также убедить всех, кто с ней солидарен, в нелепости идеи свести нас.

– Значит, я – истеричка.

– Как будто сама не знаешь. Твой концерт вчера на парковке не слышали разве что на Луне. Оля сама озвучила идею с девушкой, я отрицать не стал, а мое молчание она расценила за утвердительный ответ. Она опешила, расстроилась и даже испугалась. Потому что не ужаснуться при виде тебя – абсолютная невозможность человечества, – подмигивает он и снова напяливает свои...дорогущие очки. Господи боже, кажется, я действительно раздавила экземпляр лимитированной коллекции, который явно стоит дороже бабушкиной вазы в пять раз.

Мой взгляд устремляется к его машине. Свежая, идеальная и чертовски дорогая. Смотрю на его кроссовки, на которых нет даже пылинки!

– Не боишься стать посмешищем в глазах знакомых, если вдруг им станет известно о том, что у тебя фиктивная девушка?

– Я никогда не берусь за то, в чем сомневаюсь.

– Но над тобой будут потешаться, – улыбаюсь я, представляя себе этот забавный момент. – Ты вроде как не в силах справиться с безобидной и по уши влюбленной в тебя девушкой и потому нанимаешь другую, чтобы она приняла весь удар на себя. Это смешно, как ни посмотри.

– Об этом никто не узнает, – говорит он так уверенно, будто уже знает свое ближайшее будущее в мельчайших подробностях. – Я не собираюсь рассказывать об этом даже близким друзьям, а ты не расскажешь своим, потому что тогда лишишься стабильного и весьма ощутимого дохода, который позволит тебе в кратчайшие сроки разделаться с кредитами. Возможно, не со всеми, ведь, – усмехается он, в очередной раз задев мое достоинство, – мне неизвестно сколько их у тебя в общей сложности. Если ты не настолько глупа, как мне хочется верить, то мысль о беззаботной и счастливой жизни для дочери будет главным твоим ориентиром. Кстати, вы с ней очень похожи. Когда ты звонила, высветилась её фотография.

Максим смотрит на часы. Широкий кожаный ремешок облегает его запястье, сдавливая широкую вену, разделяющуюся по внешней стороне руки на две ветки: одна к безымянному пальцу, другая к среднему.

– Зачем тебе это? – выдавливаю улыбку. – Разве, в твоём окружении не найдется девушка, готовая подыграть тебе по дружбе и бесплатно?

– Всё мое окружение знает Олю. А Оля знает всех. Её достаточно сложно вынести.

– Звучит жутко и смешно одновременно. Ты что, боишься её? Подумаешь, втрескалась в тебя! Да, не понимает, что тебе на нее плевать, но устраивать целое театральное выступление только ради того, чтобы отвадить её от себя – здравомыслием тут и не пахнет.

– Всё, что мне мешает, я устраняю. Мое терпение не вечно. Я могу прибегнуть к более грубым и нехорошим методам для её устранения, – поворачивает он ко мне голову. – Но изо всех сил сдерживаю себя, потому что Оля – лучшая подруга сестры моего лучшего друга.

– Ого! Целая Санта-Барбара.

- Ты просто не знаешь её. Но не пройдет и нескольких часов, как ты подойдешь и скажешь мне, что она действительно чокнутая. Помяни мое слово.

- Ну, не знаю, - вздыхаю я, наблюдая за утками. - И что она в тебе нашла?

- Ты согласна или нет?

- Что я должна делать? Где и как это должно выглядеть?

- Ничего сложного. Просто будешь сопровождать меня там, где я посчитаю нужным.

- А где именно ты считаешь нужным? - Максим раздражается. - Вдруг ты мне позвонишь и скажешь приехать в баню! Я сразу пошлю тебя на все четыре стороны!

- Это будут многолюдные места.

- Где есть Оля?

- Дошло, наконец? - фыркает он. - Оплата сразу после окончания мероприятия. Фиксированная плата - пятьдесят тысяч. Плюс проценты.

- И с чего эти проценты берутся? - с трудом сдерживая смех, спрашиваю я.

- Всё будет зависеть от твоего поведения. Если ты можешь профессионально пустить пыль в глаза, не скупись на сюсюканья и будешь отлично выполнять свои обязанности, они будут очень высокими. Я не жадный и готов платить за качественную работу. Об интима речи быть не может. Во всем остальном, что ты считаешь нужным и важным - делай. Хочешь прилично заработать за короткий срок? Сделай всё, чтобы Оля, наконец, отвязалась от меня. Мне глубоко пофигу, что ты обо мне думаешь в этом плане. Я ненавижу, когда мне мешают и нарушают мою зону комфорта. Это очень меня злит. А последние несколько месяцев Оля делает именно это. Поэтому, решай сама. Нужны тебе деньги или нет.

Насчет нарушения зоны комфорта я его очень хорошо понимаю.

- Что значит «сюсюканья»? – сощуриваюсь я.

- Проявления нежности и внимания. В нашем случае это «сюсюканья».

- Потому что фальшивые?

- Именно. Ты согласна? – требовательно смотрит он на меня.

- Походу она и впрямь тебя достала, – хмыкаю я, поправив свои очки. – Ладно. Но у меня есть требования.

- Я плачу и заказываю музыку.

- А я эту музыку исполняю и если слушатель позволит себе лишнее, он получит от меня шиш с маслом!

Максим сдержанно вздыхает и оглядывается, будто ему уже осточертело здесь находиться.

- Что тебе надо, говори?

- Ты не лезешь ко мне. Ни в каких смыслах, понял?

- Я же сказал, никакого интима.

- А я говорю, что ты вообще ко мне не лезешь! Не прикасаешься, не задаешь вопросы о моей личной жизни и...

- С чего мне задавать эти вопросы? – усмехается он, нагло перебив меня. – Раз ты здесь, значит её нет.

- По крайней мере, неугодных мне кавалеров я в силах отшить сама, а не просить об этом какого-то парня.

- О! Ну, да! – фыркает он, явно задетый. – Что-то ещё?

- Ты никак не светишься, понял? Мы встречаемся здесь и уезжаем, куда будет нужно. А потом ты привозишь меня сюда же и исчезаешь, ясно?

Максим снова оглядывается.

- Ты что, где-то рядом живешь?

- Понял? - требую я. - Я не хочу, чтобы о тебе стало кому-то известно из моего окружения.

- Мы живем в многомиллионном городе, - напоминает он так, будто я не дружу с головой. - Не думаю, что у нас вообще есть что-то общее.

- Деньги отправляешь на карту. Оповещай меня об этих «мероприятиях» как можно раньше. У меня своих дел выше крыши и я должна распланировать свой день.

- Как скажешь, - выдавливает он фальшивую улыбку. - Это всё?

Я задумываюсь. Слабо верю, что решилась принять участие в этой нелепой аванюре, но к сентябрю Розу нужно собрать в школу и хоть немного восстановить финансовое положение нашей семьи, о котором известно только мне и семилетнему ребенку.

- Пока да.

- «Пока да»! - снова фыркает Максим. - Давай без сюрпризов. Просто будь собой, но делай вид, что без ума от меня.

- Тогда я не могу быть собой, - ёрничаю я.

- Ладно, договорились, - поднимается Максим на ноги. - Поехали! Мы и так уже опаздываем.

Продолжаю сидеть на месте и в ступоре пялиться на него.

- Чего, прости? Сейчас?!

- Да, сейчас. Меня уже ждут.

- Я же только что сказала тебе, чтобы ты предупреждал меня...

- Если бы ты позвонила мне не в двенадцать дня, то и узнала бы раньше. Но ведь ты же нарочно сделала это в самые последние секунды.

Я просто очень долго решалась, но кретину не обязательно об этом знать. Откинув волосы за спину, поднимаюсь на ноги и иду к его тачке.

- Порулить дашь?

- Не в этой и не в следующей жизни, - бросает Максим, открыв водительскую дверцу. Вопрос раздражает его и хорошо.

- И у кого ты её позаимствовал?

Мы садимся. Божечки, как же здесь удобно!

- Это моя машина.

- Мм, - нарочно тяну я, раздражая его ещё больше. - Диапазон твоих предпочтений настолько широк! От шестисот лошадиных сил до... Сколько там у твоей вчерашней тачки лошадок?

- Это была не моя машина.

- Ну да, ну да. Особенно удалась надпись на багажнике. Много о тебе говорит. Так и куда мы едем?

- В гольф-клуб «Сандерс».

- Твоя Оля любит играть в гольф?

- Она не моя - это раз, - отчеканивает он, взмахнув указательным пальцем. - Два
- запоминай: мы познакомились пару месяцев назад в аэропорту. Оба летели в Сингапур. Так всё и закрутилось. Запомнила? - поворачивает он ко мне голову.

- Будь добр, повтори ещё, а то история такая длинная, что будет лучше законспектировать её.

- Я не шучу.

- Я тоже не шучу! Что это за сухая бредятина? Я в жизни не была в Сингапуре!

- У тебя есть время посмотреть картинки в Интернете. Кстати, - смотрит он на меня, - как твои ноги?

- А что? Хочешь, наконец, извиниться и подуть на раны? - Максим цокает и отворачивается. - Из-за тебя я ещё долго не смогу носить шорты и короткие сарафаны.

- Я этого не хотел. Так получилось. И окажись ты адекватной девушкой, услышала бы от меня извинения ещё вчера. Но тебе же хотелось поорать на весь город, так что теперь не ной.

- Надеюсь, ты не собираешься знакомить меня со своей семьей?

- А что? - смотрит он на меня. - Ты против?

- Могу не сдержаться и сказать: «Батюшки! Женщина! Какое же хамло вы вырастили!»

- Старайся держать свой рот на замке. Говорить буду я, а ты просто делай вид, что души во мне не чаешь. Молча!

Складываю руки на груди, покусывая нижнюю губу. Вообще-то вопросов у меня очень много, но этот сухарь навряд ли даст мне хоть один толковый ответ.

- Так мы едем играть?

– Я еду играть, а ты останешься в женском коллективе и будешь рассказывать как тебе со мной хорошо.

– То молчи, то рассказывай! – фыркаю я. – А если я захочу поиграть?

– Девушки не играют в гольф. Они пьют холодные коктейли под шатром, общаются и болеют за своих мужчин.

– А ещё делятся вкуснейшими рецептами домашних булочек и совершенно не улыбаются, потому что боятся раньше времени покрыться морщинами. Да?

Максим снова опускает очки на переносицу и оглядывает меня.

– Ты слишком много говоришь.

– Потому что я знаю, что тебя это раздражает.

– Тебе бы лучше подружиться со мной.

– Не хочу. Вчера ты сбил меня и даже не извинился. Ко всему прочему, ты разбил вазу, которую я купила в подарок своей бабушке, а так же испоганил мой сотовый. Не хочу я с тобой дружить, понял?

– Но хочешь на меня работать, – улыбается он, следя за дорогой.

– Я не хочу. Просто выбора нет. – Резко выдохнув, смотрю в окно. – Мы долго там будем?

– Пару часов вполне достаточно.

– Кто там будет? Твоя семья?

– Родственники и друзья. Сегодня первое июня. В этот день мой дядя устраивает игры, а тетя развлекает женскую половину.

– Традиция?

- С тех пор, как дядя обзавелся собственным гольф-клубом, да.

Так, значит известный гольф-клуб «Сандерс» принадлежит некоему мужчине, племянник которого – редкостный болван? Типичное явление.

- Что ты смеешься?

Смотрю на него.

- Я не смеюсь.

- Ты только что хихикнула.

- Даже если и так, я что, обязана тебе каждую свою эмоцию объяснять?

- Если она касается меня – да.

- Как хочешь! – хмыкаю я. – Я подумала о том, что твой дядя, который наверняка очень деловой и серьезный человек, понятия не имеет, какой же его племянник редкостный болван. Успокоился?

- Так и подумала?

- Слово в слово.

- Ну-ну, – усмехается Максим, надавив на педаль газа.

5

Когда Максим паркуется на подземной парковке семиэтажного комплекса, включающего в себя гостиницу, ресторан и спа-салон, помимо огромного поля для игры в гольф, во мне моментально вспыхивает волнение. Я не хочу, чтобы он видел мою растерянность, иначе у него появится лишний повод для подколов. Единственное, что меня хоть немного успокаивает, знакомые стены. Папа любил играть гольф и мы часто приезжали сюда. Он не был профессионалом, тонко

чувствующим каждое дуновение ветра, зато стал двукратным победителем среди любителей. Мама эту игру не понимала, бабушка считала её глупой, а Лиана если и приезжала сюда с нами, то сидела под белым шатром и, как обычно, работала. Хорошее было время.

– Откуда ты знаешь, что здесь шестьсот лошадиных сил? – спрашивает Максим, заглушив двигатель.

– У меня тоже такая была. А потом я решила пересесть на KIA, потому что она нюхает бензин, – шучу я и выхожу из машины. Замечаю на себе молчаливый, но требовательный взгляд. – Просто знаю!

Молча идем к стеклянным раздвижным дверям, поднимаемся по невысоким ступеням и выходим на солнечную улицу. К нам подбегает паренек в белой кепке и вручает черные браслеты на руку. С ума сойти, я не была здесь целых пять лет!

– Ваше поле под номером семь! – сообщает он, приглашая нас в белый автомобильчик. Максим садится за руль, я рядом. – Хорошего вам отдыха!

Когда мы трогаемся с места, я спрашиваю:

– Чем ты занимаешься? – Максим поворачивает ко мне голову. – Мне неинтересно, если что. Но думаю, знать об этом я должна, если вдруг кто-то спросит меня о твоей работе.

– Тебя не будут спрашивать о моей работе.

Пожимаю плечами.

– Как хочешь. Потом не говори, что я не предупреждала.

Думаю о своих девочках. Очень хочу, чтобы им было весело и они чудесно провели время в городе. Чувствую вибрацию в своей крошечной сумочке и с трудом достаю сотовый.

– Да, мам?

– Привет, Азалия! Ты уже получила фотографии, которые я отправила? – Голос у мамы веселый. Слышу шум улицы и музыку. – Розочке так понравилось кататься на каноэ, что мы уже третий раз ей билет покупаем!

– Каноэ? Мам, ты что? Где вы нашли каноэ?!

– Детский аттракцион на воде! Не волнуйся, он безопасный. Розочка в восторге!

– ...Ладно. Будьте осторожны.

– Жаль, что ты не поехала! Здесь так весело! Музыка, танцы, лавки с различными кухнями – красота!

– Развлекайтесь. А мне... Мне нужно работать.

Прячу сотовый обратно в сумочку и смотрю на группу игроков в одинаковых белых костюмах. Подготовились основательно! Легкий ветерок раздувает мои волосы, от ласкающей мою кожу теплоты, я закрываю глаза.

– Оставила дочь на бабушку, – констатирует Максим, направляя машину к подножию зеленого холмика. – Рад, что ты воспринимаешь наше общение за работу.

– Я воспринимаю наше общение за вынужденную коммуникацию, – поправляю я, – за которую мне заплатят.

Впереди появляется большой белый шатер и несколько гольф-машин, выстроенных в ряд. Легкое волнение щекочет мое горло. Сейчас бы очень не помешал стакан воды. Максим останавливает машину рядом с другими, и мы выходим. Наши взгляды встречаются, когда мы, поравнявшись, идем к шатру плечом к плечу.

– Не нервничай, – хмыкает Максим. – Тебе не идет.

– Ты думаешь, мне есть какое-то дело до незнакомых людей, которых я должна обманывать?

– И, тем не менее, ты волнуешься. – Максим вдруг берет меня за руку и ведет за собой. – Не надо, всё будет в порядке.

– Что ты делаешь?! – шикаю я, попробовав вырвать руку. Но он так крепко держит её! – Максим, отпусти меня!

– Ты – моя девушка, – останавливается он и поворачивается ко мне лицом. – «Влюбленные» голубки не расстаются друг с другом, а это, – поднимает он наши сцепленные руки, – единственное, что мы можем себе позволить и продемонстрировать. Проценты, – напевает Максим, – не забывай о них. Идем!

Козел. Я и без этих процентов чувствую себя продажной девицей.

Внутри шатра играет негромкая музыка. Здесь стоят несколько круглых столиков с белыми скатертями... Идеальная сервировка, цветы в вазах, столы с пирожными и алкогольными напитками в самых разных хрустальных бокалах, стулья в белых чехлах.

– Мы что, на чью-то свадьбу приехали? – бормочу я, глядя на девушек и женщин в светлых нарядах. Почти на всех светлые легкие платья и сарафаны, а на головах...шляпки? – Здесь что, маленькая Англия что ли? Или просто «Шляпная вечеринка»?

Взгляды всех моментально устремляются на нас. Совершенно необдуманно, моя рука сжимает теплую мужскую ладонь. Замечаю боковым зрением, ухмылку Максима. Должно быть, моя реакция забавляет его скудное чувство понимания.

Сказать, что я разительно отличаюсь от всех присутствующих дам – ничего не сказать. По их утонченным движениям, порхающим, как бабочки, взглядам и фальшивому аристократичному внешнему виду, который ограничивается разве что шляпками, а в некоторых случаях и кружевными перчатками (матерь божья!), становится понятно, что сюда они приехали не клюшкой махать.

– Максим! – будто подпрыгивает на месте улыбчивая шатенка в льняном сарафане на широких лямках в виде сплетенных между собой кос. На вид ей лет сорок. Однако, когда женщина подходит ближе, я понимаю, что значительно преуменьшила её возраст. Она обнимает Максима, а он не спешит отпустить мою руку. Должно быть, со стороны мы выглядим смешно. – Как я рада тебя видеть!

Ты впервые опоздал! – смотрит она него. – Уже начала подумывать, что ты не приедешь.

– Я никогда не пропускаю игру в этот день.

– Но опоздал впервые! – как бы подмечает она, заглядывая в его глаза, будто хочет там что-то найти. Выглядит это нелепо. А ещё она нарочно игнорирует мое присутствие, несмотря на то, что Максим продолжает держать меня за руку.

– Боюсь, что это из-за меня, – вмешиваюсь я, опустив голову на его плечо. Минуту назад я нервничала перед встречей с неизвестностью, а теперь эта самая неизвестность решила меня наглым образом не замечать. – Мы были немного заняты и не заметили, как пролетело время.

Взгляд женщины плавно переключается на меня. Лицо у нее гладкое, кожа белая без единого изъяна. Она похожа на фарфоровую куклу, в глазах которой скрывается безжизненная холодность.

– Да, Сара, это Азалия, – Максим поднимает очки на голову и смотрит на меня. – Моя девушка.

Не успеваю насладиться окаменевшим от удивления лицом этой Сары. К нам подходит высокий мужчина с ухоженной белой бородой и густыми блестящими волосами. Они с Максимом жмут друг другу руки.

– Добрый день, – улыбается он мне. – Петр!

– Азалия! – представляюсь я, протянув ему руку. Но вместо рукопожатия, мужчина оставляет на моих пальцах легкий поцелуй. – ...Приятно познакомиться.

– Азалия, это мой дядя, – поясняет Максим.

– О! Наконец-то я с вами познакомилась! Максим так много о вас рассказывал.

Он сжимает мою руку, видимо, приказывая заткнуться. Но эта Сара обливает меня ледяной водой своих синих глазищ, явно давая понять о своем ко мне

отношении.

- Это моя девушка, - говорит Максим своему дяде, улыбка которого становится ещё шире.

- Чудесно! - радуется тот, хлопнув в ладоши.

- Дорогой, успокойся, - сквозь натужную улыбку, говорит ему Сара. - Не радуйся раньше времени. Давайте выпьем коктейль и попробуем новые закуски?

Максим, - с лисьей хитростью в глазах, произносит она, и берет его под руку, вынуждая отпустить меня. - Пойдем к остальным? Мы тебя уже сто лет не видели и ужасно соскучились.

- Идите-идите! - кивает им Петр. А сам подходит ко мне и предлагает свою руку. - С радостью познакомлю вас со всеми этими снобами.

- О! Вы так любезны! - подыгрываю я и беру его под руку. Взгляд Максима более чем предостерегающий. Мол, будь собой, но держи себя в руках. - Ведите!

Из пятнадцатиминутного хождения от одного столика к другому, я четко понимаю, что мало кому нравлюсь из женщин. Они все как будто на одних и тех же курсах по развитию внутренней Ледяной Королевы побывали. Сдержанные, неулыбчивые и лишённые эмоций. На их фоне взрослые и солидные мужчины выглядят, как маленькие и счастливые дети! Именно с ними мне удастся найти общий язык и, возможно, всеобщая женская неприязнь ко мне от этого лишь усиливается.

Максим протягивает мне розовый с белой пенкой коктейль, когда мы с Петром останавливаемся у столика с десертами. К нам тут же спешит его жена Сара и ещё одна девушка по имени Лола, чье кремового оттенка короткое платье обтягивает бедняжку так сильно, что слышен треск ткани. И как она только дышит в нем?

- Возьми, - говорит мне Максим тоном, не терпящим возражений. - Выпей.

- Не хочу, спасибо. Я не пью коктейли, - говорю я. - Ну, ты же знаешь.

– Клубничный с ромом – твой любимый, – настаивает Максим.

– Я ненавижу коктейли, – сквозь улыбку говорю ему. – Лучше принеси мне виски или чистый ром.

– Прекрасный выбор! – кивает Петр.

– Разве приличным и воспитанным девушкам свойственно употреблять грубые мужские напитки? – вставляет свое слово Сара, косо глянув на меня. – По-моему, крепкий алкоголь лишает женщину природной женственности.

– Лишить женщину женственности может только она сама в силу разных причин. Но уж точно не стаканчик виски со льдом, – с улыбкой отвечаю я. Смотрю на Максима, чьи губы застывают в кривой полуулыбке. – Убери это от меня подальше и принеси нормальный напиток, пожалуйста.

– Я с вами полностью согласен! – кивает Петр, не обратив внимания на холодный взгляд жены и этой Лолы. – Позвольте мне пойти на риск и предложить вам настоящий домашний виски?

Гладкое лицо, не выражающее ничего, кроме холода Атлантики, вдруг розовеет. Ресницы так часто хлопают, что ещё чуть-чуть и как в песне Сара взлетит. Мне с трудом удастся подавить смехок, ведь рисованная аристократичность сего мероприятия рухнет на глазах простой и незамысловатой обыденностью повседневной жизни.

– С удовольствием.

Петр уходит за виски, а Максим, продолжая улыбаться, наклоняется к моему уху и шепчет:

– Если лизнешь этот чертов коктейль, не подавишься. Возьми уже!

– Ты сам сказал, чтобы я была собой, – с той же фальшивой улыбкой шепчу я, чувствуя на себе взгляды двух ледышек. – А меня наизнанку выворачивает от алкогольной порнухи под названием «Коктейль».

Максим смотрит на меня, продолжая прятать за вынужденной улыбкой свое раздражение.

- Ты точно с приветом.

- Но ты меня обожаешь, верно? - смеюсь я и опускаю голову на его грудь. Мой взгляд как бы невзначай натывается на обалдевшие лица уже нескольких женщин. Эта Лола и Сара стоят впереди, а ещё троица занимает задние ряды. - О! Любимый, - выдавливаю я с трудом, - мы же не одни. Забываю с ним обо всем!

- Как вы познакомились, Максим? - спрашивает его Лола.

Петр любезно вручает мне тяжелый стакан с темно-коричневой жидкостью и кубиком льда. В его руках такой же.

- Максим, ты за рулем, так что не обессудь, - шутит он.

Прежде, чем попробовать домашний виски, принимаюсь.

- Мм! - одобительно киваю я.

- Угу! - кивает Петр.

Максим смотрит на нас с заметной усталостью, а другие же с явным осуждением. Делаю небольшой глоток и смакую.

- Дубовая кора и чернослив, - произношу я медленно, смотрю я на Петра, чья улыбка вот-вот растянется до ушей. - Никакой терпкости. Явно замочили кору кипятком.

- Максим! - ахает его дядя. - Где ты нашел это чудо?

- Да уж сам не знаю, - цедит тот, глядя на меня с подозрением.

- Прекрасный виски, - честно говорю я, сделав ещё глоток. - Мягкий, пьется легко. А чернослив придает ему солидности. Bravo вашим рукам, Петр.

- Слышать похвалу от молодой и красивой девушки, - улыбается он, поглядывая то на меня, то на Максима, - высшая награда! Азалия, откуда вам известно, как подготавливать дубовую кору? Ведь, - смеется он, оглядев всех, - если её действительно не залить кипятком, она сделает напиток терпким!

Улыбаюсь и отмахиваюсь.

- Просто знаю!

- «Просто знаю»! - фыркает Максим.

- Привет всем, кого не видел! - присоединяется к нам высокий парень и пожимает руку Максиму. Он смотрит на меня с улыбкой. - Привет.

- Привет, - здороваюсь я.

- Артем, братец, ты в курсе, что Азалия, - говорит ему Лола так, будто предъявляет, - девушка Максима?

Зеленые глаза Артема останавливаются на мне, а потом перескакивают, как мячики, на друга. Если я правильно понимаю, Лола - его сестра. А значит этот Артем - лучший друг Максима, который, судя по ничего не понимающему взгляду, действительно не в курсе, кто я на самом деле.

- Кажется, я упустил этот момент, - хмыкает он. - Seriously?

- Да, - отвечает Максим, притянув меня к себе. Цепляюсь пальцами в его руку, ухватившуюся за мою талию, и, продолжая улыбаться, пытаюсь скинуть её. - От которой я без ума.

- Надо же, - фыркает сквозь улыбку Лола. - И сколько вы уже встречаетесь? Второй день?

- Скоро отметим два месяца, - отвечает Максим, крепче прижимая меня к себе. - Ладно, все в сборе? Идем играть?

- Как вы познакомились?

– Азалия расскажет. А мы выходим на поле.

– Нет, постой! – тяну его за руку. Ещё чего вздумал! Сам будет прохлаждаться, а я тут от пираний в одиночку отбиваться, да? – Расскажи ты.

– У тебя получается намного лучше.

– А я просто обожаю тебя слушать! – улыбаюсь я, настойчиво глядя в его глаза. – Каждый раз, когда ты рассказываешь об этом дне, я проживаю его снова и снова.

– Ого! – удивляется его друг. – Черт возьми, мне тоже интересно.

Максим усмехается. По его взгляду ясно, что он хочет разорвать меня на куски.

– Ничего особенного. Мы оба летели в Сингапур и...

– Нет! – перебиваю я. – Давай с самого начала.

Взгляд Максима замирает на моем лице. Я предупреждала его, чтобы не смел прикасаться ко мне! Если он позволяет себе такие вольности, то чем я хуже? Мне, например, приятно смотреть на его озлобленную физиономию, ведь кроме этого он больше ничего не может сделать.

– Ты уверена? – как бы предупреждающе уточняет он.

– Здесь твои родственники и друзья, о которых ты мне так много рассказывал. Не стесняйся, – подмигиваю я, – расскажи, как мы познакомились.

Максим моргает один раз, второй третий и его губ касается опасная улыбка.

– Что ж, как скажешь, любимая. Это случилось в медицинской клинике. Я приехал, чтобы забрать карту дедушки, а Азалия как раз несла готовые баночки с анализами. Я сидел в кресле и ждал, когда мне вынесут карту, а она медленно проходила мимо со своим... добром.

С чем-чем я проходила мимо?

- О, боже, - смеется Лола. - Как «романтично».

- Вообще-то, это были не мои анализы, а кота моей соседки. Она не могла сама сдать их и попросила меня.

- Анализы кота в медицинскую клинику? - прыскает Лола. - Человеческую?

- Я тоже удивилась. Времена сейчас тяжелые и каждый выживает, как может. Поэтому там, где бывает Максим, врачи тайком проводят прием домашних животных. Но не это главное! - перебиваю я тех, кто уже хочет высказать свое недоумение. - А то, что когда я несла эти баночки, - нарочно выделяю я это слово, - какой-то кретин, который совершенно не смотрит по сторонам, - сейчас их, кстати, много развелось, - пихнул меня в спину и я случайно выронила эти баночки с анализами на Максима!

- Кошачье дерьмо? - едва сдерживая смех, уточняет Артем. - Seriously?!

- О! И не только! Видите ли, кот у соседки очень старый, но любимый! Врач сказал собрать всё, что можно: мочу, кал, слюну и даже рвоту с шерстью. В пластике держать нельзя, только в стекле. Ну а стекло имеет свойство разбиваться. Короче говоря, это было жуткое зрелище.

- Как ты мог не рассказать об этом? - ржет Артем, стукнув Максима по плечу.

- Ужасная история.

- Это только начало, - улыбаюсь я Лоле. - Несмотря на жалкий и дурно пахнущий видок, Максим, как истинный джентельмен, сказал мне успокоиться. Если бы вы знали, как мне было неловко!

- Ещё бы.

- Но Максим заверил, что всё в полном порядке. Не стоит переживать, к тому же, с ним частенько такое случается.

– Seriously?! – ржет Артем. Не сдерживается даже Петр. – С тобой такое часто случается?

– Максим так сказал, – пожимаю я плечами. – В общем потом он пригласил меня выпить с ним кофе и знаете что?

– Боюсь представить!

– Официантка несла наш заказ и видимо тоже не смотрела по сторонам. Кружка с горячим кофе опрокинулась прямо на Максима! Столько бед с ним случилось за один день!

– Это точно, – хохочет Артем.

– Но мы так много смеялись, – продолжаю я. – Особенно, когда его случайно сбила какая-то девушка на парковке, представляете? Она сдавала назад и не заметила Максима. Благо, у нее хватило смелости признать свою вину и извиниться перед ним.

– И это всё за один день? – смотрит на меня Артем.

– Самый лучший день в моей жизни, – улыбаюсь я, бросив на Максима «влюбленный» взгляд. – Вот она – романтика. В нелепых случайностях!

Петр протягивает мне свой стакан. Громко ударяемся ими и выпиваем виски, а потом затягиваем протяжное «Мм», восхищаясь вкусом напитка. Поднимаю глаза на Максима, чья раздражительность пляшет яркими огоньками в серых глазах.

– Что ж, дамы, мы уходим на игру! – объявляет Петр. – Болейте за своих мужчин и наслаждайтесь отдыхом. Азалия, безумно рад нашему знакомству.

– Это взаимно.

– Не скучайте, скоро увидимся.

– Погодите! – Смотрю на Максима, которого уже явно тошнит от меня. – А девочек вы берете?

– В гольф играют только мужчины, – влезает Сара.

– И кто это сказал? – усмехаюсь я. – Женщины, которые не умеют играть?

– А вы хотите? – удивляется Петр.

– Очень. К тому же, – смотрю на Максима, – не могу надолго расставаться с ним. Да и Максим начинает нервничать, когда я не рядом. Правда, дорогой?

6

Хотелось бы вернуться домой раньше моих девочек, чтобы потом не искать лживые объяснения. Я говорила, что весь день проведу дома и буду работать, а сама играла в гольф в исключительно мужской компании. Даже если бы сказала правду, мне бы никто не поверил. Благодарю Петра за чудесную игру и виски. Выразив надежду на скорую встречу исключительно из вежливости, поправляю цепочку от сумочки на плече и вопросительно смотрю на Максима. Всю игру он прятал глаза за темными стеклами солнцезащитных очков и с самым скучающим видом наблюдал за моими подачами. Для любителя с пятилетним воздержанием они более чем крутые.

– Едем? – спрашиваю его, оглядев местных дамочек, отворачивающих от нас головы. Точнее, от меня.

Максим молча кивает на выход. Садимся в машинку, я машу рукой улыбающемуся мне Петру. Он отправляет мне воздушный поцелуй и тут же получает нагоняй от жены. Эту сцену видит Максим. Как и мою смеющуюся улыбку.

– А ты с сюрпризами, – говорит он, направляя автомобильчик в сторону семиэтажного комплекса. – В гольф играешь. В приготовлении домашнего виски разбираешься. Боюсь представить, какими ещё навыками ты владеешь.

– Бойся, – пожимаю я плечами. На самом деле я чудесно провела время, несмотря на холодное отношение женской половины этой разновозрастной компании. – Твоей Оли здесь не было.

– Она – не моя, – напоминает Максим, задержав на мне взгляд. – Зато была её подруга и любимая крестная.

– Крестная – жена твоего дяди?

Максим усмехается.

– Так очевидно?

Решаю не отвечать на этот вопрос, поскольку в моих словах будет мало хорошего.

– Ты не зря приехала, – после некоторого молчания добавляет Максим. – Среди присутствующих много тех, кто считает нас с Олей идеальной парой. И сегодня их мнение явно пошатнулось. Где ты научилась играть в гольф?

– Научилась и всё. Что такого то?

– На выходных у Сары юбилей. Я не хочу, чтобы ты блистала глубокими знаниями в астрофизике, например.

– А что, у вас кто-то занимается астрофизикой? – искренне удивляюсь я.

– Мой дед преподает её в университете. Ему восемьдесят пять.

– Ого! – улыбаюсь я. – Астрофизику!

– Что в этом такого? – усмехается Максим, бросив на меня короткий взгляд.

– Не знаю, – улыбаюсь я, взглянув на вечернее розово-оранжевое небо. – За этим словом скрывается что-то очень серьезное, опасное, но непременно таинственное. Люди, понимающие эту науку, вероятно, обладают острым умом

и... – Куда меня понесло? Прочищаю горло, бросив в его сторону беглый взгляд. – Ты точно не в деда.

Мои слова вызывают в нем широкую улыбку. Вообще, ему идет улыбаться. От внешнего уголка глаза спускается глубокая складка. Она заканчивается в ямочке на щеке, которая придает резким чертам лица необходимую мягкость. Мой взгляд опускается на мужские руки и медленно скользит по выпуклым мышцам.

– Знаешь, о чем меня спросила Сара, когда мы вернулись с игры? – Максим поворачивает ко мне голову. – Действительно ли я являюсь пациентом клиники, врачи которой подрабатывают ветеринарами в ней же?

– Я её понимаю. Твоя машина стоит, как три квартиры с евроремонтом, а на собственном здоровье ты так глупо экономишь.

– Это всё очень весело, но больше таких приколов не надо.

– Ты первый начал, когда сказал про чудесные баночки с анализами. Неужели думал, что я промолчу?

– Что ты! Как я мог на такое надеяться? – раздражается он. – Я же сказал, познакомились в аэропорту, когда летели в Сингапур! Что непонятного?

– Ничего! Кроме того, что в Сингапуре я никогда не была. Если бы кто-нибудь спросил, в каком отеле я жила, я бы сказала: «В том таком, высоком!»

– Никто бы не задавал этот глупый вопрос. Всех интересует место, время и обстоятельства. Аэропорт, два месяца назад, летели в Сингапур – всё! – сурово смотрит он на меня.

– Ладно, – пожимаю я плечами. – Сингапур, так Сингапур.

– Какой теперь к черту Сингапур? – злится он. – Всё, проехали! На этот вопрос я буду отвечать сам, а ты просто сделай так, чтобы всем стало ясно – моя голова и сердце заняты тобой и освободиться в ближайшие лет тридцать не собираются!

– Тридцать лет? – ахаю я, вытаращив глаза. – А ты большой оптимист, если действительно веришь, что найдется женщина, способная терпеть тебя три... – Резкий взгляд заставляет меня замолчать. Демонстративно закрываю вымышленную молнию на губах и складываю руки на груди.

Возвращаем парню в белых брюках браслеты и спускаемся на парковку. Звонит мой телефон. Сажусь в машину, таращась на фотографию мамы. Если она звонит, значит они с девочками уже приехали домой.

– Какие-то проблемы? – спрашивает Максим.

Закатываю глаза и отвечаю на звонок.

– Да, привет, мам.

– Доченька, привет... Ты ведь дома, да? Устала, наверное?

У нее странный голос. Слышу шум улицы, мужской голос и...бабушкин.

– ...Да. Я вышла на пробежку и обратно вот...иду. Мама, что случилось? Почему у тебя такой странный голос?

– Боже мой, Азалия! – тянет она так, словно вот-вот расплачется. – Я не знаю, как это вышло. Честно, я...

– Мам? – В моем голосе появляются нетерпеливые нотки. – Что случилось? Говори уже!

– Мы... Мы попали в аварию.

– Что?! – чуть ли не подпрыгиваю до потолка. Мое сердце подскакивает к самому горлу и камнем обрушивается к ногам. Затылок сдавливают, мне с трудом удается держать себя в руках, потому что я уже проходила через эти слова и больше не хочу. – Как? Вы пострадали? Что слу... – Во рту так сухо, что не слова теряют четкость. – Мам, вы в порядке?

– Да! Да! О нас не волнуйся! Никто не пострадал.

Что она говорит дальше – не слышу. Всё сливается в непрерывный уличный шум. Главное я услышала, остальное совершенно неважно. Правда, когда рука Максима начинает трясти мое плечо, я резко прихожу в себя.

– Ты как? – спрашивает он, глядя на меня глазами доктора. Не хватает ещё маленького фонарика, чтобы реакцию зрачков проверить.

– Азалия? Ты приедешь к нам? – слышу я в трубке. – У меня трясутся руки и я боюсь садиться за руль!

– Да, мам. Кончено. Только скажи, где вы и я приеду. Сейчас же вызову такси.

Мама называет адрес. Точнее, это участок на объездной дороге, ведущей за город. Там достаточно оживленное движение.

– Как Роза? Бабушка? С вами точно всё...

– Да! Да! Не волнуйся! Только машина... В общем, приезжай.

Кладу трубку, стараясь не поддаваться эмоциям. Особенно не сейчас, когда рядом чужой мне человек, общение с которым ограничивается колкостями и безобидными оскорблениями.

– Если тебе не сложно, подвези меня к придорожной гостинице у Ласточкиного моста.

– Мне не сложно.

Как назло собираем все светофоры, а мое воображение тем временем рисует не самые успокаивающие картины. Левая нога живет своей жизнью и нелепо вздрагивает.

– Успокойся, – говорит мне Максим, ловко обгоняя плетущиеся автомобили. Я смотрю на него. – С твоей семьей всё хорошо.

Максим сбавляет скорость и перестраивается в крайний правый ряд, когда впереди появляется трехэтажное вытянутое здание из синего стекла. Перед придорожной гостиницей «Небеса» расстилается внушительных размеров парковка, позволяя оставаться на ночь большим грузовым машинам.

– Только идиот мог придумать такое название для гостиницы у оживленной дороги, – хмыкает Максим.

– Точно идиот. – Мои губы трогает слабая улыбка. Вижу свою красную KIA рядом со входом в здание гостиницы. – Постой... Останови здесь. Не подъезжай ко входу.

– Почему?

– Потому что я не хочу, чтобы нас видели вместе. Останавливай.

Максим подъезжает к огромной грузовой машине и скрывается в её тени. Отстегиваю ремень.

– Помощь нужна?

Наши взгляды встречаются.

– Нет, спасибо.

– Азалия, спасибо, – вдруг говорит он, когда я тянусь к дверной ручке. – Деньги отправлю на карту.

– Хорошо. Спасибо, – сухо буркаю я, испытывая странное чувство от «проделанной работы». – Звони, если что.

– Азалия? – Я оборачиваюсь. – Извини за вчерашнее. За твои ободранные колени и разбитую вазу. Я это точно не нарочно.

Не зная, что ответить, просто киваю. Надеюсь, он понимает, что извинения я принимаю, просто сейчас мне совершенно не до них.

Спешу к своей машине, придерживая подсакивающую сумочку на бедре. Левая фара разбита, капот сложился, бампер уже держится за счет серебристого скотча...

Прекрасно.

Самое время для ремонта.

Радует, что хотя бы на ходу, а то услуги эвакуатора стоят столько, что... Хорошо, что ты, страшилка моя, ещё можешь ездить.

Синяя дверь открывается и на улицу выскакивает Роза. Я обнимаю её, целую, ощупываю, убеждаясь, что с ней всё в полном порядке.

- Мы увидели тебя в окне! - говорит она, обнимая меня.

- Сильно испугалась? Ничего не болит?

- Нет, Азалия! Я смотрела мультик на телефоне бабушки и ничего не поняла.

Мама и бабушка выходят следом. Вижу по красным глазам, что мама всё-таки плакала, а у бабушки заметно потяжелели веки. Такое случается, после высокого давления.

- Вы в порядке?

- Да, - кивает мама, обнимая себя за плечи. - Азалия, извини меня. Машина впереди резко затормозила, а я вовремя не среагировала и...

- Мам, хватит. Всё хорошо! Главное, что с вами ничего не случилось. Машина ведь на ходу?

- Да. Нам помог мужчина перегнать её сюда и немного подклеил бампер... Я боялась садиться за руль, у меня руки тряслись...

– Всё, успокойся, – опускаю руки на её плечи. Смотрю на бабушку. Она держится за хромированные перила. – Бабуль? Как ты?

– Хорошо. Не переживай. Я просто очень хочу вернуться домой и немного полежать... – Бабушка хватается за голову и кренился в сторону. Бросаюсь к ней, но её успевает поймать высокий мужчина в светлых джинсах и белой рубашке-поло...

– Вам плохо? – спрашивает мою бабушку Максим. Он придерживает её за спину и плечи.

– Голова кружится. Это давление и мне просто нужно немного полежать.

– Бабуль, пойдём в машину? – заглядываю в её глаза. С этим умником поговорю позже. – Девочки, садитесь в машину!

– На вашей машине опасно передвигаться, – умничает Максим. – Если позволите, я отвезу вас, куда скажете.

– Там всего лишь повреждена фара и капот, – фыркаю я, пытаюсь убрать его руки от бабушки.

– Сейчас вечер, – настаивает он, глядя на мою маму. – Свет не работает, неизвестно что творится под капотом автомобиля. Вы с ребенком и это небезопасно.

– Не хочется вас утруждать... – Маме неловко. У Розы сонные глаза, она прижимается к её ноге, боясь за состояние бабушки.

– Мне не сложно помочь, – говорит Максим, глянув на меня. – Дела с машиной решите завтра. Проблем не возникнет, если она проведет здесь одну ночь.

Молча киваю. Мы с Максимом помогаем бабушке сесть в его низкую машину. Роза залазит с другой стороны в серединку, мама с правого края.

– Я сейчас заберу из машины документы и приду, – говорю ей, чтобы не переживала. Когда девочки закрываются внутри, посылаю Максиму

недовольный взгляд.

- Что ты здесь делаешь, черт возьми?

- Я решил купить бутылку воды, но твоей бабушке стало плохо и я её поймал.

- Я не хочу, чтобы они знали о тебе! Мы же договаривались!

- А я и не собираюсь говорить, что ты работаешь на меня. Я просто незнакомец, который оказался в нужное время в нужном месте. Поторопись, Азалия. Бабушке нужно отдыхать.

Закатив глаза иду к своей машине. Достая страховку и свой ежедневник. Максим тем временем уже садится за руль, и я очень надеюсь, что в мое хоть и короткое отсутствие он не позволит себе лишних вопросов.

Я не хотела, чтобы он знал, где я живу. Максим был и остается для меня чужим человеком. Хоть я и подтруниваю над ним при любом удобном случае, он не кажется мне болваном в прямом смысле этого слова. С виду Максим достаточно серьезен и деловит, несмотря на глупый и отчасти подростковый план отвадить от себя вездесущую Олю. Он не похож на человека, который не держит данное им слово. Просто не похож и всё тут. И всё же, мы с ним остаемся чужими друг другу людьми. Не в моих правилах делиться своим адресом с чужаками.

- Мы живем в Троицком, - сообщает мама. - Вы знаете, где это?

- Нам по пути, - улыбается Максим, глянув в зеркало заднего вида. - Я живу в Графском.

Мой взгляд моментально ударяется о его смеющийся профиль.

- Правда? Это же по другую сторону озера! - удивляется мама. - Мы почти соседи.

- Верно.

- Надо же такое!

Действительно. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на бабушку.

- Бабуль? Как ты?

- Не переживай, дорогая. Сейчас приедем, я выпью таблетку и прилягу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korr_katrin/ego-sumasshedshaya-devushka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)